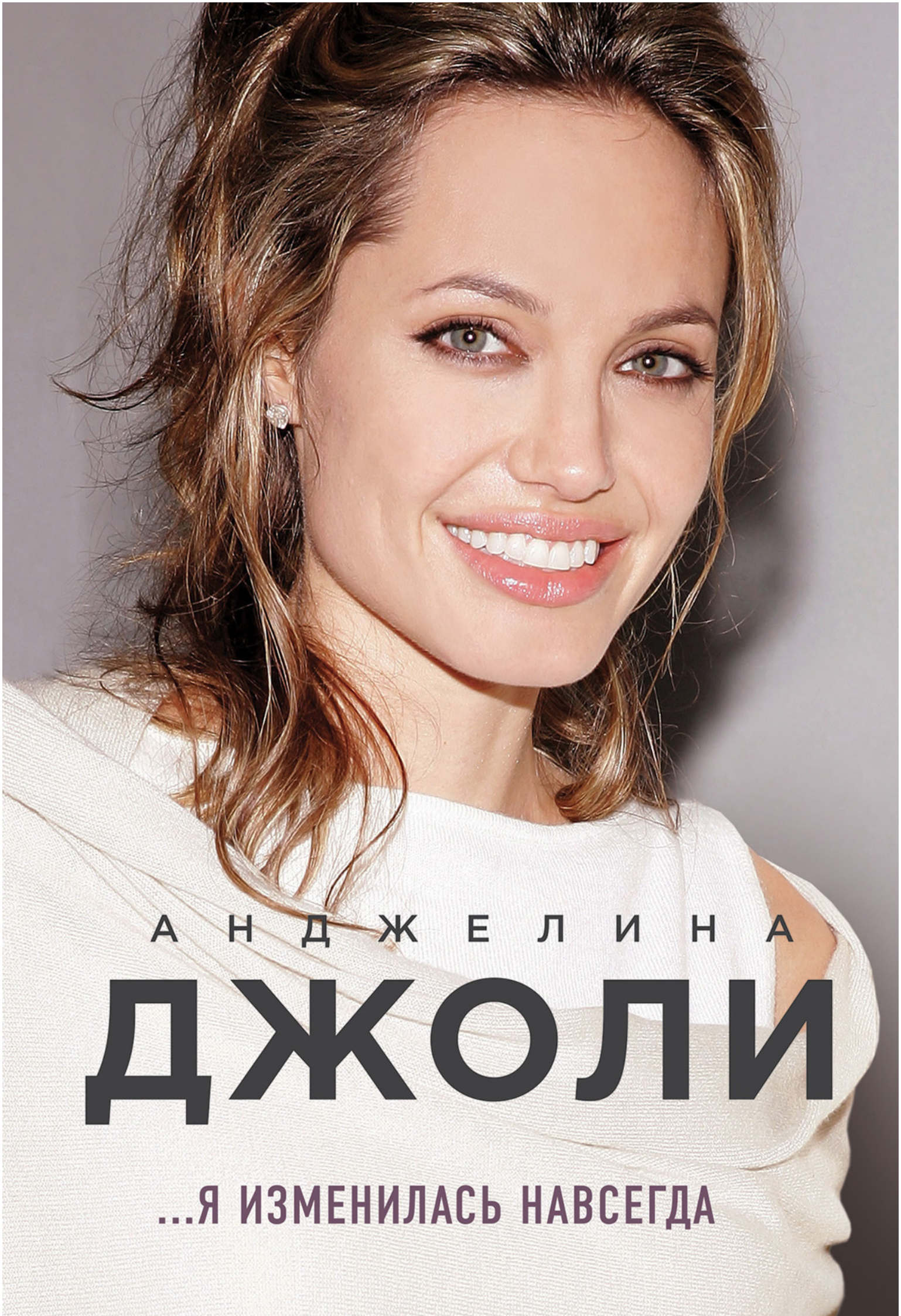
АНДЖЕЛИНА
ДЖОЛИ
...Я ИЗМЕНИЛАСЬ НАВСЕГДА

Travel Story. Книги для отдыха

Анджелина Джоли

Я изменилась навсегда

«Эксмо»

2003

УДК 791.6:929
ББК 85.374(3)8

Джоли А.

Я изменилась навсегда / А. Джоли — «Эксмо», 2003 — (Travel Story. Книги для отдыха)

ISBN 978-5-04-089011-8

Анджелина Джоли известна миру не только своими голливудскими талантами, но и как посол доброй воли ООН по делам беженцев. Ее благотворительная миссия началась со съемок в Камбодже, где она была потрясена нищетой и уровнем жизни людей.Перед вами мемуары из ее частых поездок в Африку, Пакистан, Камбоджу и Эквадор, где она жила, работала и отдавала свое сердце тем, для кого выживание – это ежедневная работа. Паломнический путь длиною почти в 20 лет, полностью изменивший мировоззрение и внутренний мир актрисы.«Те, кто лишает свободы других, не заслуживают ее сами».Авраам Линкольн

УДК 791.6:929
ББК 85.374(3)8

ISBN 978-5-04-089011-8

© Джоли А., 2003
© Эксмо, 2003

Содержание

Посвящение 6
Вступительное слово 7
Предисловие 8
Миссия в Африке 9
Вторник, 20 февраля 10
Среда, 21 февраля 11
Четверг, 22 февраля 13
Пятница, 23 февраля 15
Суббота, 24 февраля 16
Ночь субботы 18
Воскресенье, 25 февраля 19
Понедельник, 26 февраля 22
Вторник, 27 февраля 27
Среда, 28 февраля 32
Четверг, 1 марта 35
Пятница, 2 марта 37
Суббота, 3 марта 39
Воскресенье, 4 марта 40
Понедельник, 5 марта. 20.40 41
Вторник, 6 марта 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Анджелина Джоли
Я изменилась навсегда

Angelina Jolie
NOTES FROM MY TRAVELS:
Visits with Refugees in Africa, Cambodia, Pakistan and Ecuador

© 2003 by Angelina Jolie. The edition is published by arrangement with Gallery Books, a Division of Simon & Schuster Inc.
© Крузе М.А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящение

Соотношение сотрудников УВКБ ООН (Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – *Прим. ред.*) и людей, проблемами которых они занимаются: 1 сотрудник на 3582 беженца. Эта книга посвящается им – их тяжелому труду и, прежде всего, их самоотверженности и глубокому уважению к ближним.

Я также посвящаю эту книгу мужчинам, женщинам и детям, которые являются или когда-то были беженцами: тем, кто выжил вопреки всему, и тем, кто погиб, сражаясь за свою свободу.

Эти люди дали мне самый большой жизненный урок, и за это я буду всегда благодарна им.

Вступительное слово Верховного комиссара ООН по делам беженцев

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН. – *Прим. ред.*) было создано в 1951 году для помощи тем, кто был вынужден покинуть свои дома из-за преследований или войны. За последние пять десятилетий УВКБ помогло примерно пятидесяти миллионам мужчин, женщин и детей оказаться в безопасности и начать жизнь сначала.

Наши задачи масштабны, и мы не смогли бы их выполнить без самоотверженной поддержки со стороны неравнодушных людей со всего мира. Один из Послов доброй воли по делам беженцев – Анджелина Джоли.

27 августа 2001 года я назначил Анджелину Джоли Послом доброй воли УВКБ. Некоторое время до этого она выказывала глубокий интерес к проблемам беженцев и посещала лагеря для беженцев в таких местах, как Сьерра-Леоне, Камбоджа и Пакистан.

В 2002 и 2003 годах Анджелина посетила беженцев в Намибии, Таиланде, Эквадоре, Танзании, Шри-Ланке, Косове и Ингушетии и тесно взаимодействовала с полевыми сотрудниками УВКБ. Ее впечатления отражены в этих ярких и трогательных личных дневниках. В последующие годы она продолжит посещать беженцев на местах.

С тех пор как Анджелина стала Послом доброй воли, она более чем оправдала мои ожидания. Она проявила себя как отличный коллега и близкий партнер в наших усилиях найти решения для беженцев во всем мире. Помимо этого, она помогла почувствовать трагедию беженцев каждому, кто о ней услышит. Заинтересованность Анджелины в помощи беженцам, ее личная щедрость и искренняя сострадательность вдохновляют всех нас.

Рууд Любберс,
Верховный комиссар ООН по делам беженцев

Предисловие

Меня попросили написать предисловие к моим дневникам и объяснить, как они появились, почему моя жизнь приняла это направление и почему я решила этим заняться.

Я пытаюсь найти ответы, но одно знаю точно: я изменилась навсегда. Я очень благодарна тому, что моя жизнь пошла этим путем, тому, что я встретилась с удивительными людьми и приобрела этот невероятный опыт.

Я искренне верю, что если бы мы все проявляли осознанность, то каждый из нас начал бы действовать.

Так что вопрос не в том, зачем или почему я этим занимаюсь. Вопрос таков: как бы я могла этим не заниматься?

Я не спала много ночей, сидела и читала истории и данные о национальных и международных трагедиях.

Я читала о УВКБ:

- Сегодня более двадцати миллионов человек являются беженцами.
- Одна шестая часть населения мира живет на сумму меньше одного доллара в день.
- 1,1 миллиарда людей испытывают нужду в безопасной питьевой воде.
- Одна треть мира не имеет электричества.
- Более 100 миллионов детей не ходят в школу.
- Один из шести детей в Африке умирает, не дожив до пяти лет.

Я читала о разных гуманитарных организациях. Я читала о Сьерра-Леоне, когда была в Англии. Когда я вернулась в США, мне было трудно следить за развитием событий, так что я позвонила в американское отделение УВКБ и спросила, не могли бы они помочь мне понять ту ситуацию и подобные ситуации во всем мире. Три недели спустя я была в Сьерра-Леоне.

Я не знаю, какой получится эта книга и какое мнение сложится у читателей. Я не писатель. Это просто мои дневники. Это просто взгляд на мир, который я только начинаю понимать, мир, который я никогда не смогу объяснить словами.

Миссия в Африке

С 22 февраля до 9 марта 2001 года моей задачей было познакомиться с беженцами в Сьерра-Леоне и Танзании, находившимися под присмотром Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), и помочь им.

Вторник, 20 февраля

Ялечу на самолете в Африку. Рейс задерживается в парижском аэропорту на два часа, а затем продолжает путь до Абиджана в Кот-д'Ивуар (Берег Слоновой Кости).

Это начало моего путешествия и этого дневника. Я не знаю, для кого я пишу: думаю, для себя или для каждого. Я пишу не для того человека, который сможет прочитать эти страницы, но для тех людей, о которых я буду писать.

Я искренне хочу помочь. Я не верю, что отличаюсь от других людей. Я думаю, что мы все хотим справедливости и равенства. Мы все хотим получить возможность прожить жизнь со смыслом. Каждый из нас хотел бы верить, что если мы окажемся в тяжелой ситуации, кто-нибудь поможет.

Я не знаю, чего мне удастся достичь во время этой поездки. Все, что я знаю, – это то, что, изучая каждый день все больше и больше о мире и о других странах, а также своей, я осознаю, что очень многого не знала.

Я многое изучала и разговаривала с разными людьми в Вашингтоне, округ Колумбия, в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Я как можно больше читала. Я узнавала данные, которые шокировали меня, и истории, которые разбивали мое сердце. Я прочла многое, что заставило меня почувствовать себя плохо физически. У меня были ночные кошмары – нечасто, но они меня пугали.

Я не понимаю, почему об одних вещах говорят, а о других – нет.

Не знаю, смогу ли я как-нибудь на это повлиять. Знаю только, что хочу это сделать.

Я не была уверена, надо ли мне ехать. Я и сейчас не уверена, но (знаю, для кого-то это может прозвучать фальшиво) я думала о людях, у которых нет выбора.

Я не знаю, для кого я пишу: думаю, для себя или для каждого. Я пишу не для того человека, который сможет прочитать эти страницы, но для тех людей, о которых я буду писать.

Некоторым из моих друзей казалось сумасшествием то, что я хочу покинуть свой теплый и безопасный дом. Они спрашивали: «Почему ты не можешь помогать им отсюда? Почему тебе надо увидеть это своими глазами?» Я не знала, как им ответить. И я не уверена, что я не сумасшедшая или не глупая.

Папа пытался отговорить меня от поездки. Он позвонил в американское отделение УВКБ, но так как я – взрослый человек, он не смог остановить меня. Я рассердилась на него, но сказала, что знаю, что он меня любит и как отец пытался уберечь от беды. Мы обнялись и улыбнулись друг другу.

Мама посмотрела на меня так, словно я ребенок. Она улыбнулась мне, хотя ее глаза были полны слез. Она волновалась. Обняв меня на прощание, она передала напутствие от моего брата Джейми. «Скажи Энджи, что я ее люблю. И пусть она помнит, что если она испугается, расстроится или разозлится, – надо посмотреть на ночное небо, найти вторую звезду справа и следовать за ней до утра». Это из «Питера Пэна», одной из наших любимых книг.

Я думаю о тех людях, о которых так много читала, о том, как они оказались оторванными от любимых семей. У них нет дома. Они видят, как умирают те, кого они любят. Они сами умирают. И у них нет выбора.

Я не знаю, что увижу там, куда еду, но я с нетерпением жду встречи с этими людьми. Моя первая остановка на несколько часов – Париж, а потом я полечу в Африку.

Среда, 21 февраля

В самолете из Парижа один африканец в красивом синем костюме тепло улыбнулся мне и спросил, не журналист ли я. «Нет, всего лишь американка, которая хочет узнать об Африке». – «Отлично!» – сказал он.

Он казался очень важным человеком и был окружен другими мужчинами в костюмах, которые уважительно вели себя с ним. Когда он сошел с самолета вместе со своими спутниками, его провожала пара военных (один спереди и один сзади), и его снимали на камеру, когда он приветствовал человека, который, должно быть, представлял другую важную группу.

Я пишу это потому, что когда он спросил меня в самолете, собираюсь ли я поехать в другие части Африки, я ответила: «Сьерра-Леоне». А он сказал: «Я боюсь этого места».

После приземления в Кот-д'Ивуар у самолета меня встретил очень приятный человек из УВКБ. Его звали Херве. Он говорил по-французски и совсем немного по-английски. Я совсем немного говорила по-французски. Но я быстро поняла, что иногда улыбки и жесты – это все, что на самом деле требуется. Мы молча стояли рядом, потому что мои сумки сняли с самолета последними.

Сумки каждого были открыты и проверены.

Я увидела больше военных, чем гражданских людей.

Потом я встретилась с еще одним человеком из УВКБ.

В автомобиле мы говорили о том, что в Сьерра-Леоне идет гражданская война.

Люди ничем не отличаются от американцев, какими они были до того, как стали теми, кем являются сегодня. Когда ты думаешь об этом, ты понимаешь, как важно помогать и поддерживать их, так как они определяют будущее сорока двух стран на этом большом, важном континенте.

Если мы будем рассматривать народ Африки как своих союзников и помогать им строить, это поможет и нам.

Я узнала, что США много помогали и что это не осталось незамеченным. Но по сравнению со многими другими странами мы помогаем меньше (в расчете на душу населения). Если сравнивать нашу возможность давать с возможностью других, мы даем меньше.

Если оставить в стороне политику, на уровне людей нам всем стоит помнить о том, что важно и насколько мы на самом деле одинаковые.

Мы должны помогать вначале, когда люди стараются и закладывают основы, а не тогда, когда уже слишком поздно.

Во время холодной войны Африка была расколота. В 60-х годах страны получили независимость, но когда холодная война закончилась, Африка стала нуждаться в помощи для укрепления демократии.

Она нуждалась в помощи, чтобы поддержать людей, отстаивающих те свободы, в которые мы все верим.

Я посмотрела видеофильм о Сьерра-Леоне.

Несколько лет назад они начали двигаться к демократии. Я не помню точно, в каком году, но это было до того, как окончательно разгорелась война.

Если бы мы еще тогда предложили им помощь, возможно, не произошло бы того, что происходит сейчас.

Мы не можем забыть, что наши отцы-основатели были беженцами.

А потом стали беженцами коренные американцы.

Человек, встретивший меня, рассказал о своем пребывании в Америке. Мы оба понимали, насколько мало рассказывают американцам и насколько несведущими они могут быть. Но, к их чести, когда они все же видят, что происходит в мире (от специальных выпусков

CNN до историй, время от времени попадающихся в газетах), большинство американцев хотят помочь, и они очень щедры.

Он рассказал мне, что был в Канзас-Сити, Миссури, на Рождество. Он также рассказывал другие истории о своих впечатлениях в Америке. Я думала о том, как он нашел время для путешествия в США из-за того, что «хотел немного лучше понять Америку».

Мало кто из нас был в Мали (африканской стране, в которой он родился).

Может быть, поэтому он был таким гостеприимным. Он хотел поделиться со мной своей страной.

Я зарегистрировалась в отеле в Абиджане на Берегу Слоновой Кости. Должно быть, этот отель когда-то был прекрасным, и он лучше того, что я ожидала. Но я чувствую, что это неправильно – жить в этом месте, пусть всего несколько суток. Я нахожусь в Абиджане, чтобы встречаться с сотрудниками УВКБ. А в субботу я уеду в Фритаун в Сьерра-Леоне, чтобы быть с беженцами.

Надо признать, что я по достоинству оцениваю настоящий душ и сон. Знаю, что буду наслаждаться ими этим вечером, и я за это благодарна.

Четверг, 22 февраля

Я сижу в кресле в офисе УВКБ здесь, в Абиджане. Меня ждет длинное утро.

Мне еще многое надо понять, я все еще не знаю очень многого. Лучше всего я понимаю то, что слишком мало знаю об этих людях.

Я сижу под надписью-постером УВКБ. Она гласит:

НИЧЕГО НЕ СТОИТ

СТАТЬ БЕЖЕНЦЕМ.

ВАШЕЙ РАСЫ ИЛИ ВЕРЫ

БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.

Мне разрешили присутствовать на интервью с «претендентами на статус беженца».

Эти «претенденты на статус беженца» находятся здесь, чтобы попросить о возможности жить на территории страны, отличной от своей родины.

УВКБ выслушает их истории, в некоторых случаях проверит информацию. Если сотрудники смогут, они им помогут. Им надо попытаться определить, удовлетворяют ли эти люди требуемым критериям для получения статуса беженца и соответственно предоставления убежища.

Они должны доказать свою нужду в защите и поддержке, а именно в той защите и поддержке, которые доступны, но во многих странах их практически нет.

Молодая пара, с которой беседовали сегодня, потеряла связь со своими двумя детьми. Мужу было тридцать. Жене двадцать пять (моя ровесница).

Они казались намного старше. У них были очень изможденные тела, очень грустные, выражавшие отчаяние глаза. Оба говорили по-французски и немного по-английски и были очень умны.

Благодаря им я почувствовала себя немного более комфортно.

Когда их представляли мне, то объяснили, что я – американка, приехала в Африку, чтобы попытаться понять и научиться помогать людям в сложных ситуациях, таких как у них, в своей стране.

Мне нравилось, что они понимали, что другой человек пытается помочь, но выслушав их историю, я почувствовала себя беспомощной и в то же время полной решимости.

Это сильные, умные люди. Если бы у них была возможность, учитывая все силы, которые сейчас раздирают страну на части, они могли бы быть очень сильной, богатой страной.

Может показаться, что такие организации, как УВКБ и другие, временами терпят неудачи из-за того, что все это продолжается. Но изучая историю ситуации с беженцами и понимая, какая работа была проделана для помощи им, я осознала, что все эти самоотверженные сотрудники делали все, что могли.

Мы все должны быть очень благодарны.

Я уверена, что без их вмешательства у беженцев вообще не было бы надежды. БО́льшая часть этих групп людей были бы мертвы и забыты.

Все было бы в руках повстанцев и под контролем диктаторов.

Мы должны продолжать оказывать поддержку и помогать африканским странам, принимающим беженцев и дающим им дом.

Наша страна и другие страны будут помогать беженцам пересекать границы наших стран, если только мы не поможем их родным странам стать сильными.

Пятница, 23 февраля

На следующий день меня привели в другой кабинет, где я познакомилась с Иоли. У этой женщины была потрясающая энергия и замечательный смех.

От нее я узнала о новых компьютерных технологиях, которые помогают считать и идентифицировать беженцев и выдавать им удостоверения личности.

Это было вдохновляюще – слышать о различном оборудовании, которое было пожертвовано, и новых идеях, которые должны помочь.

Microsoft пожертвовал сто принтеров для печати удостоверений личности во время кризиса в Косово. Но всегда нужны дополнительные сотрудники, которые работали бы на них. Удивительно, как много мелочей должно быть продумано. Сейчас они в процессе сбора средств на обучающую программу.

Когда ты там, ты осознаешь, насколько важны эти удостоверения личности. Они служат не только для защиты беженцев и гарантии безопасного убежища для них. Самое важное – когда беженцы приходят регистрироваться, удостоверения дают им личную идентификацию.

Вы можете представить, каково это – не иметь возможности подтвердить, кто ты такой? Никаких доказательств твоего имени, или страны, или семейного положения, или возраста.

Детей без удостоверения личности могут заставить пойти в армию или выполнять опасную работу. Их могут забрать или выгнать из школы. У каждого ребенка есть право на безопасность и образование.

В обед я отправилась на маленький рынок, чтобы купить местные ремесленные изделия.

Когда я слишком долго стояла на одном месте, мои лодыжки начинали зудеть. Их кусали букашки, такие маленькие, что я не могла их даже увидеть.

В некоторых местах пахло тухлятиной. Меня мутило.

Меня удивляет здешняя выживаемость. Они не жалуются. Они даже не выпрашивают подаяния.

Вопреки тому, как мы представляем себе эту страну, ее люди цивилизованные, сильные, гордые, привлекательные. Любое проявление агрессии – просто стремление выжить. Здесь нет времени на необдуманное поведение и безделье.

Когда я написала это, то осознала, что пишу так, словно изучаю людей в зоопарке.

Я чувствую, что это глупо и высокомерно – думать, что я знаю все об этих людях и их проблемах.

Но я просто наблюдаю за людьми здесь, в Кот-д'Ивуаре. Это первое и единственное место, которое я посетила в Африке. Я даже еще никогда не видела лагерей для беженцев.

Очень много школьников. Мальчики одеты в бежевую форму – рубашки с короткими рукавами и брюки. Девочки в белых блузках и синих юбках.

На рынках продается много золота и слоновой кости и даже бриллианты. Все сложено на столиках маленькими кучками. А полы везде земляные.

Женщина из УВКБ по имени Дему предложила показать мне город.

Я познакомилась с ее дочерью и ее друзьями. Всем им по четырнадцать лет, и они ходят в международную школу. Они говорят на нескольких языках. Они жили по всему миру. Они забавные, и каждый из них – уникальная личность.

Они мечтают о своем будущем. Все они кажутся намного старше, чем подростки в США.

Они все разбираются в политике. Одна девочка спросила меня, что я думаю о новом американском президенте, Джордже Буше.

Кажется, они много знают и о кино. Надеюсь, они смотрят хорошие фильмы, а также классные и глупые. Здесь очень важно уметь смеяться.

Суббота, 24 февраля

Мы ждем, когда заправится наш самолет, летящий в Сьерра-Леоне, и проверят все наши паспорта. Со мной Иоли. Хотя мы высадимся в разных местах, я рада начать путешествие с кем-то знакомым.

Только что взвесили мой багаж и меня. Восемь килограммов, четыре килограмма… и я вешу пятьдесят пять килограммов (понятия не имею, что это значит). Мужчина в порванных сандалиях выдвигает пластиковые весы, такие, на которые вы встаете дома. На них нарисованы два розовых кролика, очень выцветших. На эти весы кладут наш багаж, мы взвешиваем каждый предмет. Не представляю, как это можно сделать точно.

Меня окружают люди многих национальностей. Я вижу красивых африканок в полунациональной одежде.

Самолет готов, но прямо перед отправлением нам советуют посетить туалет. Может пройти несколько часов, прежде чем у нас снова будет такая возможность. Мы с Иоли идем. Все остальные ждут под горячим солнцем. Никто не садится в самолет. Потом я понимаю, почему: сначала дамы.

Они все говорят: «Счастливого пути!» и «Удачи!»

Теперь я сижу в самолете. Я выбрала место, где нет отверстия кондиционера.

Мы еще не оторвались от земли, но я уже потею. Я слизываю каплю пота с верхней губы.

Все улыбаются друг другу, обмениваются теплыми словами и интересуются, кто чем занимается.

Они заметили татуировку на моей руке.

Мне рассказали, что недавно власти занялись тем, что высылают из страны повстанцев, которые притворяются беженцами. Эти повстанцы пытаются отхватить часть и без того небольшой помощи.

Одна женщина говорит, что видела, как многих мужчин задерживают (арестовывают) на несколько дней до подтверждения их личности.

Она спросила, почему их сочли подозрительными.

«Из-за татуировок на руках!» Татуировки – распространенный племенной обычай в Гвинее и Сьерра-Леоне.

Мы посмеялись над возможностью того, что власти могут решить, что я – повстанец.

Но это заставляет меня думать, что символы, которые мы носим, помогают нам выразить себя. Символы могут вызвать страх или пренебрежение.

Я думаю о том, что выбрала (символике на мне), об украшениях, которые ношу:

- инициалы моего брата,
- цитата о свободе моего любимого американского писателя.

Мы только что приземлились, чтобы забрать еще одного человека. Теперь нас семеро.

Воздух становится прохладней. Прекрасный день. Большинство пассажиров выходят, чтобы несколько минут поразмяться.

Когда я села в автобус, который должен был отвезти меня к самолету, в нем находились два человека, с которыми я еще не была знакома: мужчина впереди и женщина, сидящая рядом со мной. Казалось, я не понравилась обоим, или я так решила из-за их отстраненности. Мы не представились друг другу. Я побаивалась мужчину. Мне было любопытно, буду ли я с ним работать. Позже, в самолете, мне стало стыдно, когда я поняла, что составила о них неправильное мнение. Мне повезло оказаться в их компании.

Через некоторое время мужчина повернулся ко мне и объяснил, что шесть дней был в плену у повстанцев в Монровии (Либерия). Он до последнего не знал, отпустят ли его. Он рассказал о часах, проведенных в этом аэропорту.

Когда мы, наконец, разговорились с ним и его женой, они оказались теплыми и добрыми людьми. Их молчание и отстраненность были вызваны чувством страха. Мы приземлились на землю, где его удерживали в плену.

Большинство людей этой страны прошли через то, что я никогда не могла себе представить.

Когда я вышла, мне сказали, что у этого района нет надежды. Почти все здесь было сожжено или разбомблено.

Когда повстанцы уходят пешком, они иногда берут заложников просто для того, чтобы те помогали им нести украденное.

С высоты полета все казалось таким красивым: земля, озера, леса. Все, что я могла разглядеть.

Единственными воздушными судами в этом аэропорту были военные вертолеты.

Наконец, мы приземлились в Фритауне, Сьерра-Леоне. Пока мы ехали по улицам, говорили о том, что здесь происходило. Объединенный революционный фронт (ОРФ. – *Прим. ред.*) назвал это проектом «Ничего живого».

Я вижу сотни людей, идущих по улицам и держащихся за руки. Выжившие!

На автомобилях написано «БОГ ВЕЛИК» и «ЛЮБОВЬ ДЛЯ КАЖДОГО – НЕНАВИСТИ БОЛЬШЕ НЕТ».

Можно было бы подумать, что это – последние люди на земле, которые в это верят, но все же ты осознаешь, что в результате всего, через что они прошли, их понимание жизни глубже твоего.

Странный обычай: в последнее воскресенье каждого месяца все должны оставаться дома и заниматься уборкой до 10 утра. Если ты уходишь из дома раньше, у тебя должен быть пропуск, объясняющий, почему ты получил на это разрешение.

Ночь субботы

Гостевой дом УВКБ

Верх бетонных стен, окружающих дом, покрыт битым стеклом.

Наш грузовик подъезжает, и охрана открывает деревянные ворота.

За воротами находятся маленькое белое здание с облупившейся краской и несколько старых автомобилей.

Большинство приветствует меня улыбкой, некоторые пристально смотрят на меня.

Я в комнате номер 1. Так написано на листе бумаги, прикрепленном к двери. Думаю, мне дали лучший номер.

Вода еле-еле течет из душа. Люди из того мира, в котором живу я, сочли бы этот номер бедным и обшарпанным, но у здешних людей, несомненно, совсем другое мнение. Они сочли бы его дворцом.

Я очень благодарна.

Ужин был в восемь. Два полевых сотрудника УВКБ и я сидели и разговаривали о войне, жизни, выживании. Они многое рассказали мне. Если бы я только могла записать все!

Телевизор внизу ловил только один канал. Если тебе повезет, это будет CNN. Но не этим вечером.

Время здесь воспринимается по-другому. Слишком много внимания приходится уделять выживанию. Ты просто живешь и наслаждаешься днем и окружающими людьми, насколько это возможно.

Люди делятся.

Я упоминаю о том, что в этом месте чего-то не хватает, не потому, что я по этому скучаю, а потому, что вижу, как живут люди, работающие здесь.

Большинство из них не делает исключений для себя, хотя некоторые могли бы. Я понимаю, что в каждой группе очень мало людей, которых нельзя назвать хорошими. Кажется, что между сотрудниками нескольких неправительственных организаций и ООН идет какое-то странное соревнование.

Они помогают друг другу, но иногда критикуют друг друга, стараясь обидеть.

Но я уверена, что даже критикующие должны быть в своем роде хорошими людьми. Ты не можешь быть плохим человеком, если в своей жизни ты выбрал это.

Воскресенье, 25 февраля

Мне снился странный сон – не совсем ужасный, но достаточно плохой, чтобы назвать его кошмаром.

Меня задержали на пропускном пункте, я стояла на дорожке со множеством других женщин. Я пыталась понять, что происходит. У меня были мысли о том, что я потерялась, ведь я помнила все те истории о неожиданных нападениях, вынуждавших людей бежать – некоторых с узлами, а некоторых с пустыми руками и даже без семьи.

И теперь вот уже около часа я снова пытаюсь заснуть.

Кричат петухи.

Кажется, в этом месте отражаются звуки. Я могу слышать шаги и скрип пола. Я могу слышать, как шумит какое-то животное, но я не могу понять, какое, может быть, обезьяна.

Я пробую подольше полежать с закрытыми глазами.

Сегодня воскресенье, и до окончания молитв почти ничего не происходит.

Я только что вернулась с прогулки. После завтрака я решила потратить немного времени на то, чтобы посмотреть, где нахожусь. Мне сказали, что этот район безопасен.

Я сняла солнечные очки, как только вышла. Хотя солнце было слепящим, я чувствовала, что будет безопасней, если люди будут видеть мои глаза. Они смогут понять, что я не являюсь угрозой.

> Когда повстанцы уходят пешком, они иногда берут заложников просто для того, чтобы те помогали им нести украденное.

Кроме того, я не хотела демонстрировать что-либо ценное не потому, что боялась кражи, а потому, что чувствовала, что это будет неправильно. Я шла среди людей, которые жили на гроши.

Очень скоро мои ступни и брюки покрылись красной пылью.

Один из охранников УВКБ, уроженец Сьерра-Леоне по имени Уильям, спросил, может ли он показать мне район (армейские казармы и больницу). Я сразу же согласилась.

Мы пошли вверх по дороге и наткнулись на Джорджа.

Больше года Джордж работал в УВКБ, занимаясь готовкой завтраков и обедов. Это хорошая работа, но она не обеспечивала достаточно денег для того, чтобы содержать себя, не говоря уже о его семье.

Но он не жаловался. Единственное, о чем говорили эти мужчины, – о том, каким красивым было когда-то это место. Некогда все люди хорошо относились ко всем. Теперь все страдают. Они надеются, что однажды жизнь здесь снова будет хорошей, но трудно сохранять надежду или веру, что она на самом деле когда-нибудь улучшится.

Я спросила Джорджа о его семье. Он сказал, что его мать только что вернулась из лагеря для беженцев в Гвинее. Я спросила, все ли у нее хорошо. Он ответил, что сейчас лучше, но она до сих пор простужена, потому что там, где она сейчас живет, ей приходится спать на полу.

Джордж был захвачен повстанцами. Он сказал: «Они пришли ночью. Мы все попытались бежать. Мама так волновалась обо мне».

У Джорджа трое детей. «Одного я еще не видел», – сказал он.

Мы подошли к больнице. Это было очень старое, небольшое здание с почти полностью ободранной краской.

Здесь две палатки Красного Креста. Предполагаю, что в каждой могло бы поместиться около пяти коек. Возможно, причина того, что коек нет вовсе, – на полу может устроиться больше людей.

Сегодня многие вышли прогуляться, большинство надело, должно быть, лучшую праздничную одежду – яркую и чистую. Я не знаю, как они умудряются иметь хорошую одежду, но эта воскресная традиция важна для них. Так прекрасно это видеть.

Мы продолжали идти по грунтовой дороге мимо скал, воды и потоков того, что, как я решила (из-за ужасного запаха), было сточными водами.

Я услышала напевы и барабанную дробь. Уильям и Джордж ткнули пальцами и сказали: «Церковь!»

Церковь была маленьким бетонным зданием, окруженным валунами. Я заглянула внутрь и увидела множество ярких силуэтов, двигавшихся в ритме барабанного боя. Какие прекрасные люди молятся!

Я заплакала, впервые с тех самых пор, как приехала сюда. Постаралась сдержать слезы и пошла дальше.

Рядом со мной шли маленькие дети. Я улыбнулась им, а они ответили самыми приятными, самыми широкими улыбками, какие я когда-либо видела.

Один маленький мальчик с вызовом спросил очень серьезным тоном:

– Ты кто?

– Энджи.

Он хихикнул, улыбнулся и ушел.

Приют Сент-Майкл ЮНИСЕФ и общественное движение «Семейный дом»

Мне в руки дали младенца. Невозможно выразить словами, что я почувствовала.

Позже маленький ребенок вложил мою руку в руку другой женщины (американки, сотрудницы неправительственной организации).

УВКБ работает с движением «Семейный дом», чтобы помочь тем возвращающимся домой детям из Сьерра-Леоне, которые были разлучены со своими семьями.

Молодой африканец помогает управлять этим заведением. Он окружает других большой заботой, он – отличный руководитель и воспитатель. У него очень добрые глаза.

Я задавала ему вопросы, как любой, кто хочет получше кого-нибудь узнать. Что он любит? Кто члены его семьи? Я хотела узнать, кто он.

У него есть семья. Многие его братья и сестры учатся в университете в Италии. Он любит путешествовать, но чувствует, что должен делать добро и нужен здесь.

Они надеются, что однажды жизнь здесь снова будет хорошей, но трудно сохранять надежду или веру, что она на самом деле когда-нибудь улучшится.

Он сказал, что скоро у него будет отпуск продолжительностью несколько месяцев, и он хотел бы пойти на курсы по консультированию пострадавших от психологической травмы. Он хочет помогать сиротам, детям-беженцам и детям-солдатам, страдающим от стресса. На эту необходимость часто не обращают внимания.

«Может быть, ожидается, что они просто оправятся».

Он объяснил мне, каким образом консультации доступны в других частях мира, когда кому-нибудь требуется помощь.

В Африке все по-другому. К счастью, тебе помогают и тебя поддерживают, интегрируя тебя в общину.

Я познакомилась с мальчиком, которому совсем недавно протезировали ногу. Он стоял и слушал новости по маленькому радиоприемнику. Мне сказали, что он – один из лучших учеников. И он уже хорошо ходит.

Мальчик лет одиннадцати поздоровался с монахиней, которая показывала нам приют: «Сестра!»

УВКБ вместе с приютом Сент-Майкл пытается помочь зарегистрировать детей, найти их семьи и воссоединить их.

Здесь вряд ли можно узнать международные новости. Ты слышишь только об ужасах, которые творятся рядом.

Если бы только здесь сообщали о войнах и худшем, с чем сталкиваются люди, то люди не решались бы инвестировать в развитие Африки. Это огромная проблема. И что же получается? Здешние люди становятся зависимыми и не хотят покидать лагеря беженцев. Я могу понять, почему. Их родина до сих пор опасна и опустошена. Дома нет еды. Дома нет работы.

Так как было воскресенье и у нас был выходной, в конце дня мы поехали к воде. Здесь такие белые пляжи! Какой прекрасный вид: белый песок, голубая вода, вокруг горы, покрытые роскошной зеленью!

Эта земля была названа Сьерра-Леоне – говорят, когда первые поселенцы прибыли на эти берега, раздавались раскаты грома, похожие на рычание львов.

Понедельник, 26 февраля

Разговор за завтраком в 7 утра

Кажется, с каждым днем я узнаю все больше и больше. В странах, где нет алмазов, люди не получают хорошее оружие.

Некоторые правительства или люди становятся богаче благодаря торговым операциям с Объединенным революционным фронтом.

США и европейские страны должны помогать армии Сьерра-Леоне, беря пример с британской армии и Особой военной службы Великобритании, которые в настоящее время помогают, обучая жителей Сьерра-Леоне защищать себя от повстанцев.

Форум педагогов, обучающих африканских женщин (FAWE)

Девушек учат и обучают мастерству. Им помогают быть независимыми.

Большинство этих молодых женщин было похищено и изнасиловано.

Я вхожу в маленькую комнату.

Две женщины присматривают за примерно десятью малышами.

Многие женщины забеременели после изнасилования.

У детей не было игрушек или мягких, ярких вещей.

Они были на полу. Прекрасные лица.

Когда я подошла, один малыш начал плакать, почти кричать.

Женщины извинились и сказали: «Он испугался из-за цвета вашей кожи».

Когда я была в учебной комнате, меня представили как Посла доброй воли УВКБ. Майю, женщину, которая была со мной, представили как сотрудника УВКБ по правовым вопросам.

Все молодые женщины были очень доброжелательными.

Потом им объяснили, что я также являюсь актрисой из Калифорнии. Женщина, которая управляет школой, сказала им, что я пришла узнать о них, чтобы иметь возможность поддержать их программы.

Вряд ли они знают какие-нибудь фильмы. Мне не хотелось бы это подчеркивать, но, кажется, то, что я актриса, сделало мое посещение более забавным для них. То, чем я занимаюсь, – с их точки зрения странная работа.

Иногда то, что я актриса, кажется странным и мне, но сейчас я счастлива этим заниматься.

Проведя некоторое время вместе, мы даже начали общаться без переводчика. Креольский немного похож на очень быстрый, сжатый английский.

Они попросили меня дать им мой адрес. Я секунду подумала о соблюдении неприкосновенности своей частной жизни, что мне сказали делать в США, но они делились со мной, так что я поделюсь с ними.

Я очень хочу, чтобы эти молодые женщины преуспели. Я также хочу быть для них другом. Я подошла к доске и написала свое имя и свой личный адрес.

Одна девушка взяла меня за руку и медленно сказала: «Я хочу быть твоим другом».

Она написала свое имя, чтобы я могла узнать письмо от нее.

Транзитный центр Джуи

Транзитный центр Джуи расположен недалеко от столицы Сьерра-Леоне, всего примерно в десяти километрах от центра столичного города, Фритауна. Созданный в 2000 году транзитный центр Джуи был одним из временных поселений, первоначально учрежденных УВКБ в Фритауне в ответ на масштабное возвращение сьерра-леонских беженцев из Гвинеи. После нападения на Гвинею, предположительно совершенного повстанцами сьерра-леонского Объединенного революционного фронта, гвинейцы набросились на сьерра-леонских беженцев, обвиняя их в укрывательстве повстанцев ОРФ и попытках дестабилизировать ситуацию в Гвинее. Многие сьерра-леонские беженцы пострадали физически, что вынудило их решить вернуться в Сьерра-Леоне, хотя война в их родной стране все еще продолжалась. Так как бóльшая часть страны в то время была оккупирована повстанцами, эти люди не могли вернуться в свои деревни. Чтобы удовлетворить потребность беженцев во временном жилье, УВКБ создало два поселения (Локомассама и Барри) в северной и южной провинциях. Но так как возвращавшиеся из Гвинеи прибывали на кораблях, им надо было где-то переночевать, не только для того, чтобы восстановить силы после долгого путешествия, но и чтобы принять решение, куда они отправятся дальше, в зависимости от той информации, которую они получали о членах своих семей. В Джуи, как и в других транзитных центрах, возвратившиеся получали эти возможности. Теоретически, возвратившиеся могли оставаться в транзитном центре не более пяти дней, но в реальности около 2000 из них проживали в центре до июня 2002 года.

Транзитный центр находится рядом с городком Джуи, где проживает около 6000 сьерралеонцев. Там есть начальная и средняя школы, а также Институт изучения Библии. Возвратившимся, пока они находились в центре, приходилось отправлять своих детей в эти школы. В самом транзитном центре были медпункт и большой резервуар с водой с несколькими водосборниками.

Полиэтиленовые палатки, земляные полы. Это кажется какой-то дырой. Вокруг ходят люди. Они не могут сами себе помочь. Не могут отправиться домой.

Мужчина с натруженными руками подбегает к сотрудникам УВКБ и знаками умоляет подойти побыстрее.

Они объясняют, что он хочет, чтобы они взглянули на мальчика.

Я вижу этого мальчика. Он выглядит примерно на двенадцать лет, но ему могло бы быть и шестнадцать. Сложно сказать, он худ и слаб из-за плохого питания. Он очень болен.

Я не хотела наклоняться и смотреть. Я стояла на расстоянии. Я была незнакомой для него женщиной. Его осматривал врач.

Он был очень юным, но, казалось, прекрасно понимал, что с ним происходит. Его ноги парализовало. Его живот и ребра казались слишком широкими. Позже мне сказали, что, похоже, его оперировали. Его позвоночник был серьезно поврежден. Болезнь ослабила его тело. Было похоже на то, что все началось с огнестрельной раны и неудачной операции.

Здесь его выписали из больницы. Нет средств и места для его лечения после того, что считалось неотложной помощью (по их стандартам).

Для меня это было неотложной ситуацией. Теперь сотрудники гуманитарной организации пытаются организовать для него помощь, но этот мальчик – один из миллионов ему подобных.

Я никогда не смогу забыть его лицо. Я никогда не смогу забыть, как он передвигал ноги своими руками.

УВКБ находится в Африке, чтобы помочь этим притесняемым людям, чтобы продолжить оказывать поддержку, необходимую этим беженцам. Всегда есть проблема недостатка финансирования и исполнения всех необходимых программ.

Я сидела с лидерами и вождями и молодыми женщинами, жившими в лагерях.

Я спросила: «Как вы считаете, что надо знать людям?»

Молодая женщина ответила: «Мы продолжаем жить в страхе. Мы боимся, что девушек все еще будут похищать и насиловать. Мы боимся, что юношей будут заставлять воевать. Нам надо, чтобы эта война закончилась».

Сотрудник УВКБ спросил: «Как вы думаете, Америка может помочь?»

Молодая женщина быстро ответила: «Да, они очень влиятельные! Мы хотим вернуться домой. Нашим детям надо ходить в школу. Нам нужна нормальная еда».

Если бы только Америка была тем, чем они ее считают. Тогда это было бы возможно.

Кто-то спросил пожилого вождя: «Каково это – жить в лагере?»

«Мы в очень стесненных условиях».

Мне рассказали, что финансирование сокращается, а УВКБ пытается его увеличить. У стран, которые предоставляют убежище, в настоящее время проблемы – у таких стран, как Гвинея.

Теперь УВКБ занимается не только беженцами, но и внутренне перемещенными лицами (ВПЛ).

Очень много других организаций настроено на долгосрочное финансирование. УВКБ рассчитывает только на временное. Они не могут рассчитывать на долгосрочное финансирование, поэтому сложно разрабатывать сильные и долгосрочные решения.

Они на самом деле не знают, будет ли продолжено финансирование их программ в ближайшие месяцы, а при этом кажется, что сейчас нуждающихся больше, чем прежде. Проблема не исчезает.

Я познакомилась с сотрудником УВКБ из Иордании. Он говорил о строительстве центра типа FAWA для женщин в лагерях беженцев или поселениях в его районе.

Ватерлоо (транзитный центр)

Здесь дети хватают тебя за руки и идут с тобой, улыбаясь и напевая. У них нет ничего. Они в рваной грязной одежде. И они улыбаются.

Сбежались дети. Они так счастливы иметь то малое, что у них есть сейчас. Они больше не одиноки и не боятся за свою безопасность. Большинству из них пришлось пройти много, много километров за долгие дни без еды и воды.

Они схватили меня за руки своими крошечными ручонками. За каждый мой палец уцепилась детская рука. Другие дети ухватили меня за запястья, за руки. Я почти не могла идти. Я хотела забрать с собой домой всех и каждого.

Они увидели мои татуировки. Они показались детям забавными. Дети спросили: «Кто поставил тебе клеймо?»

Одна женщина рассказала мне свою историю. Пока она говорила, она отвязала своего внука от спины и начала кормить его грудью. Ее дочь (мать ребенка) в Гвинее заподозрили в том, что она является повстанцем, из-за ее племенных татуировок. Ее убили.

Вдруг один из тех мужчин, с которыми я пришла, подошел ко мне и протянул руку. «Пора идти. Вставайте, пожалуйста».

Я услышала спор.

Это был спор о переезде в другой лагерь. Беженец не хотел уезжать.

Мне сказали, что некоторые беженцы требуют, чтобы их отправили в определенный лагерь, потому что они думают, что смогут найти там членов своей семьи.

Мы прошли мимо спорящих к автомобилю.

Я увидела мужчину, который стучал по стене.

Мой сопровождающий закричал: «Заблокируйте дверцу!»

Я не чувствовала себя испуганной. Мне было жаль людей в лагерях, а также сотрудников УВКБ, которые не могли удовлетворить все нужды всех беженцев. Когда беженцы возмущены, в этом иногда винят сотрудников УВКБ. Но эти сотрудники сострадают жертвам войны.

Трудно быть готовым, когда количество беженцев и ситуации все время меняются. Слишком многим людям требуется помощь для выживания. Многим детям, которые собираются в школу, нужно медицинское внимание – вакцинация.

Беженцев – 22 миллиона. Два месяца назад я не имела об этом ни малейшего представления.

Нам надо помочь тем, кому приходится бежать, чтобы выжить.

Проблемы и числа будут только расти до тех пор, пока мы не остановим эти войны.

У многих детей в лагере Ватерлоо чесотка. Но я лучше заражусь, чем просто подумаю о том, чтобы вырвать свои руки из рук этих маленьких детей.

И надо понимать, что это – всего лишь одна из множества проблем, с которыми живут здешние дети. Видимые условия жизни не назовешь хорошими. Откровенно говоря, они ужасны. Я уверена, что бóльшая часть самого плохого просто не видна.

> Здесь дети хватают тебя за руки и идут с тобой, улыбаясь и напевая. У них нет ничего. Они в рваной грязной одежде. И они улыбаются.

Я только что вернулась в свой номер, где ночую. Вымыла лицо и руки. Долго смотрела на руки.

Позже в этот же день я отправилась в лагерь для потерявших конечности, где было много перемещенных лиц, поддерживаемых другими неправительственными организациями.

Последние несколько минут я, находясь там, просто держу в руках ручку.

Я не знаю, что писать. Хотя нет, знаю. Я зла. Я ненавижу людей, сделавших это. Я ненавижу, что страдают все. Инвалиды, беженцы, перемещенные лица, люди, живущие в разрушенных войной деревнях, – все. Так много пытающихся выжить, в то время как те, кого они любили, были искалечены или убиты. Никто не живет так, как жил до ОРФ (повстанческая армия, которая позже развилась в политическую партию. – *Прим. ред.*). Я не понимаю, как это может продолжаться. Как моя страна может заявлять, что идет на помощь всем нуждающимся странам, когда все здешние люди проживают каждый день, зная, что нет справедливости, нет возмездия, нет настоящего мира.

И как вы можете говорить этим беженцам начать снова строить свою жизнь, когда они уверены, что повстанцы просто-напросто снова ее разрушат?

Мужчина рассказал мне историю о том, как он потерял руку (от локтя). «Потерявшие конечности – счастливчики. Мы остались живы, но не все – многие умерли от потери крови или инфекции».

Самым молодым инвалидом, с которым я познакомилась, была годовалая девочка. Ей было три месяца, когда ей отрезали руку и изнасиловали ее мать.

Так много людей.

Молодой мужчина, с которым я немного посидела, рассказал мне свою историю. Он был бизнесменом. «Я сплю на полу. У меня недостаточно еды. Я благодарен за то, что остался жив, но я никогда не смогу вернуться домой. Как я снова смогу начать торговать?»

У него был взгляд, который я никогда не смогу забыть: потрясенный, отчаявшийся, травмированный.

Мужчина без кистей рук понимал, что я здесь для того, чтобы попытаться помочь. Меня представили как женщину из Америки, которая находится здесь, чтобы собрать информацию и рассказать в США.

Еще никогда в жизни я так не желала добиться успеха.

Мужчина без кистей протянул руку и улыбнулся мне. Я пожала его запястье.

Мне неловко было находиться среди таких смелых людей.

Ужин в доме УВКБ

Этим вечером на ужин были рыба и салат.

Это было большой роскошью. Я была благодарна, но с трудом могла есть. Я чувствовала себя такой опустошенной.

К нам присоединились личные охранники. Два с половиной часа мы обсуждали проблемы. Каждый рассказывал о тех проектах, которыми занимается, или о важных событиях, свидетелем которых стал.

Обсуждалось очень многое (слишком многое для того, чтобы я смогла это записать), и все было задокументировано сотрудниками УВКБ.

Мужчина из Иордании сказал: «С любовью и толерантностью возможно все».

Это такое прекрасное чувство – сидеть с разными сотрудниками со всего мира: разного возраста, пола, национальности. И все по разным причинам начали работать с УВКБ.

Некоторые сотрудники УВКБ сами когда-то были беженцами.

Они говорили о мальчике, которого я видела в транзитном центре Джуи. Кто-то прокомментировал:

– Мальчик с умиротворенным лицом.

– Может быть, это была не огнестрельная рана.

– Может быть, он очень сильно упал.

Одна женщина сказала: «Он не выкарабкается».

Это не должно было бы удивить меня, но я удивилась.

Некоторые обитатели лагерей умрут без должного лечения в больнице. Нам нужны согласования из Женевы (УВКБ). Все это занимает время.

Мне объяснили, что в лагерях есть другие жертвы, случаи которых часто не обсуждаются. Я никогда не читала и не слышала о том, что они открыли мне. Многих беженцев заставляли калечить людей. С ружьем, приставленным к их голове, или с ножом, приставленным к их боку. Им давали ржавые клинки или острое стекло. Их заставляли отрезать кисти, ступни или целиком руки и ноги людям, которых они знали, очень часто – членам семьи.

Эти люди сходят с ума. Они больше не способны действовать. Во многих случаях они просто не могут жить с чувством вины. Психологическое консультирование для них почти совершенно недоступно. Едва-едва хватает средств для физического выживания, что уж говорить о помощи в их психическом и эмоциональном восстановлении.

Я могу видеть, как беженцы изо всех сил стараются заботиться друг о друге.

Я хочу написать что-нибудь до того, как отправлюсь спать. Но я не могу. Я шокирована.

Вторник, 27 февраля

Громкий стук в дверь разбудил меня. Семь утра. Сегодня я уставшая. Я волновалась, что мне будут сниться беспокойные сны. Так что я рада, что так крепко спала. Мне вообще ничего не снилось.

Около двух с половиной часов я сидела в кабинете, получая информацию и знакомясь с людьми, чтобы узнать о разных организациях.

Сегодня мы встречаем корабль, на котором беженцы возвращаются в Сьерра-Леоне. Потом мы повезем их в лагерь рядом с Кенемой, который станет их новым домом.

Корабль опаздывал. Наконец, послышался призыв: «Время отправляться!» Я схватила свой рюкзак. Прошло еще полчаса. Нам дали небольшую сумку с основным снаряжением для кемпинга. «На случай, если автомобиль сломается…»

Все утро наш автомобиль ремонтировали в автомастерской. Это трудно назвать автомастерской. Автомобиль до сих пор не готов.

Все здесь занимает слишком много времени. Регистрация сошедших с корабля беженцев тоже заняла некоторое время.

На причале были многие правительственные и неправительственные организации, по три или четыре человека от каждой группы.

- Международный медицинский корпус
- Красный Крест
- «Спасем детей»
- УВКБ
- «Мировое видение»
- Международная организация по миграции

С того самого времени, как я проснулась этим утром, беженцы ждали у причала на горячем солнце, получив ту еду, которую можно было предоставить (маленькую буханку хлеба и сардины).

Я спросила, сколько они проплыли на корабле к этому утру.

«Одиннадцать часов!»

Несмотря на то что море было спокойней, чем обычно, многих детей рвало. Всего насчитали двести два человека.

Сегодня встречать корабль пришла одна женщина. Она ищет своего мужа. Его там не было. Ей сказали посмотреть регистрационные документы. В углу пристани стоит маленький стол. Это единственное место не на солнце.

Мы едем по улицам в начале нашей пятичасовой поездки. Почти на каждой остановке к окнам подходят попрошайки.

Там были слепые и раненые дети – дети, с которыми жизнь обошлась очень жестоко. Я спросила, будет ли правильно дать им денег. «Нет, не в этой общественной зоне. Соберутся все. Это создаст плохой прецедент».

В этой поездке участвует более двухсот человек. За нами едут два небольших грузовика, которые везут все их пожитки. В двух маленьких грузовиках-фургонах поместилось все, что нажили за свою жизнь более двухсот человек. В них все, что у них есть в этом мире.

Я не знаю, как люди в этих грузовиках найдут в себе силы после всего, через что они прошли хотя бы во время своего путешествия из Гвинеи. Я не могу представить, с чем они столкнулись, когда им пришлось бежать. И, прежде всего, как они вообще добрались до Гвинеи?

В Ватерлоо мы забрали еще беженцев. Теперь их 387 человек.

Мы едем обратно в город, чтобы купить то, что сможем.

Эти люди едут домой. В Гвинее они были беженцами, но теперь они не находятся там в безопасности.

Они возвращаются в Сьерра-Леоне, чтобы жить в лагерях. Их дома разрушены. Те районы, в которых они жили, теперь удерживаются повстанцами.

У них нет никакого реального выбора, кроме как жить в лагерях, обходясь самым малым, и нет никакой гарантии, что те же люди, что разрушили их дома и убивали, насиловали и калечили их семьи и друзей, не нападут снова. Но если им придется умереть, они хотят умереть в своей родной стране.

Я не могу представить, что они, должно быть, чувствуют.

Они сидят в грузовиках, и их везут по улицам, где они когда-то жили свободно и счастливо.

Шесть грузовиков, полных людей.

Два грузовика поменьше со всеми их пожитками.

Мы едем в нашем грузовике, чтобы защитить и поддержать.

Мы только что двинулись вперед, указывая путь. Мы – единственное охранное транспортное средство, так что каждые полчаса мы проверяем всех, двигаясь назад.

Нам только что сказали, что в поездку не взяли воду. Женщина (сотрудник УВКБ) пытается связаться по рации. Связь плохая. Она спрашивает, как найти припасы по дороге. Нам надо понять, где запастись водой.

Нам также сказали, что мы прибудем в темноте, так как отъезд занял больше времени, чем ожидалось.

Меня спросили, уверена ли я, что хочу ехать.

Мне сказали, что нет причины для беспокойства, но им хотелось бы, чтобы я сошла за одну остановку до последней. Они сказали, что так будут чувствовать себя спокойней.

Я не хочу подвергать себя риску без необходимости, потому что понимаю, что УВКБ чувствует себя ответственным за меня. Мы договорились принять решение, когда туда доберемся. Нам также надо было выяснить, где мы можем остановиться.

К конвою присоединилось еще одно охранное транспортное средство. Наш водитель посигналил ему занять место в хвосте.

Сотрудники УВКБ также находятся здесь, чтобы гарантировать прохождение без помех через все блокпосты и пропускные пункты.

Сейчас мы едем через район, который британцы помогли очистить от повстанцев.

«Вестсайдские парни»

«Вестсайдские парни» – группировка бывших солдат, которая поддерживала военный переворот, свергнувший президента Ахмада Теджана Каббу в мае 1997 года. Они бежали в буш вместе с другими солдатами Армии Сьерра-Леоне (АСЛ), когда Группа мониторинга ЭКОВАС (Экономическое сообщество стран Западной Африки. – *Прим. ред.*, иначе – ЭКОМОГ) подавила восстание в феврале 1998 года и вновь сделала Ахмада Теджана Каббу президентом.

«Вестсайдские парни» были частью сил вторжения, захвативших половину Фритауна 6 января 1999 года, когда минимум 5000 человек были убиты, а стоимость разрушенных домов и другой собственности оценивалась не в один миллион долларов. «Вестсайдские парни» снова бежали в буш, когда силы ЭКОМОГ вышибли их из столицы. Затем они расположились в местности Окра-Хиллс, примерно в 50 км от Фритауна.

Они заманили в засаду несколько гражданских и военных транспортных средств, вызвав большие беспорядки на шоссе Фритаун – Масиака. Кульминацией деятельности «Вестсайдских парней» стал захват нескольких британских военных вместе с их проводником, военнослужащим Армии Сьерра-Леоне. Когда все переговоры о гарантированном освобождении захва-

ченных оказались тщетными, британцы начали воздушно-наземные операции, убивая и захватывая в плен «Вестсайдских парней» в джунглях. Все взятые в плен, в том числе лидер, самопровозглашенный бригадир Фодай Каллай, находятся за решеткой в Фритауне. Именно эти операции положили конец существованию «Вестсайдских парней». «Вестсайдские парни» назвали себя в честь одной из банд в США, «Вестсайдской команды».

Теперь мы были на другой дороге, но хорошей эту дорогу не назовешь. Нам надо двигаться на восток. Мы высунули руки в окна, сигнализируя грузовикам за нами, чтобы они прибавили скорость.

Я увидела идущего по дороге мужчину. На нем были шорты, он был очень грязным. Он держал в руках автомат и что-то выкрикивал, разговаривая сам с собой.

Повсюду были остовы сожженных домов.

Здесь, должно быть, также подрывали автомобили и грузовики, от них остались только ржавые перевернутые кузова.

Красивые джунгли.

Время от времени я вижу маленькие деревни, они наполовину сожжены, а наполовину отстроены заново из дерева и глины.

Несколько бывших школ и церквей вдоль дороги пусты и изрешечены пулями.

Если мы прибудем в лагерь после 20.00, то не сможем попасть внутрь.

Многие люди были недовольны тем, что нам приходится ехать так быстро. «Извините. Держите детей. Чем быстрее мы туда доберемся, тем скорее вы сможете поесть и отдохнуть. Нам не хочется ехать слишком много в темноте».

Они понимали. Но кажется, их трудному путешествию не будет конца. Даже к концу сегодняшнего дня оно будет далеко от завершения. Может быть, есть кое-что хорошее – они до сих пор живы.

Мы в пути уже около двух с половиной часов. Один из наших грузовиков, везущих багаж, сломался. Все, что находится в нем, надо было выгрузить, чтобы потом загрузить во второй грузовик. Я не представляю, как они смогут уместить все в одном грузовике. Кажется, он уже набит битком.

Пока они перекладывают все пожитки, мы продолжаем путь. Они постараются нас догнать.

Я никогда не смогу выразить или описать, кто эти люди, через что им приходится пройти или почему им так важна наша помощь.

Я предложила, что хорошо было бы, если бы кто-нибудь мог раздобыть видеокамеру, чтобы они могли рассказать о себе. Они очень хотят это сделать.

Они не хотят, чтобы пресса решала, что важно. Они хотят сами говорить за себя.

Когда я приехала туда, то думала, что мне будет грустно и плохо от всего того, что произошло с этими людьми, и того, как они живут.

Но я вижу, как они выживают, их улыбающиеся, несмотря ни на что, лица, держащихся за руки детей, работающих (кажется, работают все) людей. Я восхищаюсь этими людьми.

Их волей.

Их надеждой.

Мы останавливаемся, чтобы высадить нескольких человек в одном районе. Кажется, еда в грузовике, который далеко позади нас, – в багажном грузовике.

Мы все сидим снаружи. Сейчас около двух часов дня, и жара невыносима. Я вижу, как многие беженцы работают: несут дрова и другие вещи, стараясь устроиться в этом новом месте. Я не знаю, как они это делают.

Кто-то объяснил мне, что утро предназначено для того, чтобы раздобыть необходимое для завтрака (вода, дрова), поесть, убрать дом и попытаться по возможности что-то продать или что-то сделать.

Днем надо раздобыть воду и дрова и приготовить обед.

С ужином то же самое.

Весь день посвящен выживанию.

В этом году УВКБ потеряло четырех сотрудников.

Каждую неделю в каком-то уголке мира убивают одного сотрудника гуманитарной организации. Есть огромная необходимость в намного большей безопасности и защите.

УВКБ отличается одним из самых высоких показателей разводов, суицидов и депрессий.

При въезде в Район 91 на дорожном щите написано:

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТРЕЗАЙТЕ РУКИ

ДАВАЙТЕ ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ

Нам пришлось идти на рынок, чтобы купить еще сардин и хлеба. Наши припасы составляли только половину от необходимого.

Нам сказали, что в третьем грузовике есть очень больной мальчик. У медсестры почти не было медикаментов – на самом деле вообще не было.

УВКБ нуждается в намного большем финансировании для врачей, медсестер и медикаментов. Операции здесь редко проходят без проблем.

Я здесь вместе с Ньямбе, женщиной из УВКБ, которая сопровождает меня во время различных встреч. Это ее первый конвой и первое посещение лагеря, расположенного далеко от транзитного центра.

Мы отправились за медикаментами. Мы видели солдат ООН, размещенных в этом районе. Выясняется, что они из Бангладеш.

Один из солдат не хочет нам помогать. Он сказал: «Идите в неправительственные организации». Мы окинули взглядом пыльные дороги, бедных горожан и маленькие лачуги.

«Где?» – спросили мы.

Ньямбе сказала, что все мы – братья и сестры под флагом ООН.

Нас спросили, являемся ли мы врачами.

«Нет, просто сотрудниками», – ответили мы.

Нам дали маленькую сумку с лекарствами от боли и обезвоживания.

После того как была распределена еда, мы проверили наши сумки.

Главы семей выходят вперед за тех, кого не было в регистрационных документах. Желтая бумажная карточка дает право на булку и полбанки сардин на человека.

Солнце начинает садиться. Мы пытаемся дозвониться и получить место в лагере Бо, до которого ехать на один час меньше, чтобы там подготовили сухой паек для 400 человек.

Но он не будет нашим конечным пунктом. Утром нам придется снова отправляться в путь.

У второго (из двух) багажных грузовиков спустило колесо. Мы должны двигаться вперед, пока его меняют. Первый грузовик остался позади еще раньше – механические проблемы.

У УВКБ могут быть проблемы, но его сотрудники здесь – единственные, кто пытается провести этот конвой.

Здесь никто не делает фотографии для CNN. Это всего лишь еще один день.

Уже 19.40. Снаружи непроглядная темень. К нам идет мужчина. Он ехал в одном из грузовиков впереди нас. Мы остановились.

«Что случилось?» – спросили мы.

«У моего грузовика не работают передние фары», – сказал он.

У пропускного пункта молодые ребята машут нам, чтобы мы остановились. Они светят фонариками в наш грузовик и освещают наши лица. Нам разрешают проехать.

21.30. Мы прибыли в Бо. Здесь мы проведем ночь и тронемся в путь в семь утра.

Мы знакомимся с Мухаммадом, который там работает. Он приготовил (вместе с другими) три большие миски булгура и три большие миски бобов.

Мы начали раздавать еду с женщиной, которая, очевидно, была лидером группы. Уже ушло некоторое время на то, чтобы высадить всех беженцев из грузовиков, и все были очень голодны.

Я не могу представить, как они себя чувствуют. Меня тошнило. Возможно, меня вырвало бы после этой поездки, но я совсем не пила жидкости, последние несколько часов ела только хлеб. По пути не было туалетов, так что я не пила воды.

Я пыталась помочь, раздавая чашки и ложки и проверяя, чтобы на подносах было достаточно тарелок. Металлических тарелок было мало, так что мы пытались организовать их мытье, когда первые получившие еду закончили есть.

Сначала накормили детей, потом женщин, наконец, мужчин.

Некоторые обращались ко мне «*pumwi*», что означает «белый человек».

Некоторые называли меня «сестра».

Они были доброжелательны ко мне, понимали, что я здесь для того, чтобы помочь.

Некоторые люди могли толкаться, кричать и злиться из-за того, что все это занимало много времени, и из-за того, через что им пришлось пройти.

Но их мытарства длились годами, и, пожалуй, я чувствовала, что они помогают мне понять, каково это было, потому что я была новичком.

Нам с Ньямбе сказали ночевать в соседнем мотеле. Мне кажется неправильным то, что я получаю эту привилегию, но я так устала. Я очень благодарна.

Нам дают комнаты с вентиляторами, но мой не работает. Из окна доносятся голоса разговаривающих людей и очень неразборчивая американская музыка 80-х годов. Я только что увидела толстого прыгающего паука.

Основание кровати когда-то было покрыто пластиком, но сейчас он почти целиком облез. Простыней нет, только наматрасник.

Но мне нравится этот номер. Мужчина, который проводил меня в него, улыбнулся, открыв дверь, и сказал: «Симпатичный! Хороший!» Потом он показал мне туалет и с еще более широкой улыбкой сказал: «Смотрите!» А потом спустил воду.

Минуту спустя он вернулся, чтобы дать мне спички и свечу.

С часа ночи до 4.30 утра здесь нет электричества.

Ньямбе зашла в мой номер, и мы разделили то, что осталось от буханки хлеба. Было слишком жарко, чтобы есть, так что я приберегла свою часть на завтрак.

Среда, 28 февраля

6.17 утра. Мы снова выстраиваемся в колонну и почти готовы начать путь к Кенеме.

Я почти не спала. Было слишком жарко, был постоянный шум. Я все время думала о том, в насколько лучших условиях по сравнению с беженцами я нахожусь. Думала о том, как чувствуют себя этой ночью матери и младенцы. Удивлялась, почему так мало детей плачет. Предполагаю, что они привыкли к этим ужасным условиям или, возможно, просто слишком устали для того, чтобы плакать.

Этим утром я обнаружила на своей двери большой, сделанный ножом разрез. Ньямбе сказала, что заметила его, когда вчера стучалась ко мне.

Я думаю о личном пространстве, но на самом деле меня это не особо заботит. Сейчас очень рано, и я рада снова быть в пути.

Многие сотрудники УВКБ – уроженцы тех стран, в которых они работают, так что кажется (и часто именно так и бывает), что беженцам помогает их собственный народ. Общины и страны помогают друг другу.

Здесь для оказания поддержки также был Норвежский совет по делам беженцев.

Наконец, мы прибыли. Группы людей, привезенных раньше, подбежали посмотреть в надежде увидеть друга или члена семьи. Несколько людей, ехавших в грузовиках, закричали от радости, узнав друзей. Каждой семье был выделен участок земли для начала строительства. Им дали немного продовольствия.

Беженцам нужна помощь для того, чтобы начать что-то, что сделает их независимыми.

Хорошо было бы организовать занятия, на которых они учились бы садоводству, чтобы потом самостоятельно выращивать пищу.

Эта новая зона для беженцев существует всего лишь несколько недель, но здесь уже построено много маленьких глиняных и деревянных хижин.

В офисе я увидела человек семь, которые ждали с очень большими тюками. Некоторые женщины были беременны. Мне сказали, что эти женщины – одни из сотен людей, прибывших из Гвинеи. Они шли пешком, и им нужны медицинская помощь, регистрация и место в лагере.

Мы в аэропорту, ждем самолета, чтобы улететь обратно. Это маленькое белое здание, окруженное армейскими лагерями.

Африканские солдаты носят головные уборы ООН и свой флаг на военной форме.

Только что прибыли британские солдаты (в полной военной форме), они несут большие рюкзаки и винтовки. Они все бегут в старомодной манере, высаживаясь из вертолетов и направляясь к грузовикам, чтобы в них погрузиться. Нам сказали, что наш самолет здесь, но это не так. Так что мы ждем, стараясь не стоять на жарком солнце.

Когда самолет не прилетел, мы спросили, когда он примерно прибудет. Через час. Мы все хотели позавтракать, хотя бы выпить кофе, так что решили поехать в ближайшее кафе. Оно было маленьким, пыльным и замечательным. Странное сочетание Африки и Китая. Меню было старым, и я с трудом могла разобрать слова. Мы сделали заказ и начали обсуждать различные вещи, с которыми каждый имеет дело. Но только мы начали разговор, через пару минут после того, как сделали заказ, мы услышали, как приземляется самолет, и побежали. Мы смеялись.

Понятно, что местные самолеты опаздывали из-за военных действий. Мы (нас было около десяти человек) втиснулись в самолет. Было жарко. Играла какая-то музыка, которую я не могу описать. Думаю, слова были французскими. Она начала играть и играла без остановки.

Когда мы, наконец, вернулись, было почти два часа дня. Пока мы ехали на автомобиле, я наблюдала за людьми. Теперь я намного лучше понимаю их проблемы.

Смотрю в окно.

Романтика их храбрости омрачается очень маленьким мальчиком, который пытается удержать несколько галлонов воды на голове. Он босой. Очень жарко, и я уверена, что идти ему придется далеко. И я уже давно уеду (или кто-то уже будет это читать), а он все еще будет заниматься этим, а также многими другими вещами. Он всего лишь маленький мальчик. И он один из счастливчиков – сейчас. Он не в армии. У него есть доступ к воде. Никто не отрезал ему кисть или ступню. И хотя он очень худой, кажется, он сравнительно здоровый.

В офис зашел фотограф, чтобы спросить, что происходит в различных районах и не могли бы мы помочь или дать информацию о том, как попасть в районы, где сейчас наиболее напряженная ситуация.

Это трудно, потому что в большинство районов сложно попасть. Было очень сложно даже передать еду для находящихся там нуждающихся людей.

Они пытались разработать маршрут и обозначить дороги, где он мог бы поймать попутку. Он пытается помочь, распространяя информацию, чтобы люди могли видеть, что происходит, и решать для себя, как они к этому относятся.

Я уверена, что большинство фотографий, которые он снимает, – это те образы, которые многие из нас не хотят видеть. Но должны.

Он спросил, откуда я.

«Из Америки».

«А! Я работаю фотографом десять лет. Американские СМИ не покупают такие фотографии. Другие страны покупают».

Этим вечером я наметила ужин с г-ном Арнольдом Акодженю, представителем УВКБ в Сьерра-Леоне. Он собирается помочь мне понять, что происходит в этой стране: что делается, что надо делать, а также политические вопросы.

Я пыталась отчистить грязь от своих ботинок и найти чистые брюки. Но я уверена, что он понимает. Было что-то приятное в том, что моя одежда такая грязная, если знать почему.

Я не думаю, что сейчас на самом деле могу делать много полезного, но я начинаю что-то делать. И очень приятно знать, что с течением времени я смогу помогать больше.

Когда я шла на ужин, мне сказали, что г-н Акодженю опоздает. «Есть проблемы. Полиция узнала, что завтра будет демонстрация».

К его дому меня проводил мужчина с фонарем.

Вокруг участка, над забором, были полуметровые круги колючей проволоки.

Внутри все окна были защищены. Использовались металлические и пластиковые конструкции различных типов, так что это не выглядело как решетки.

Чем больше я узнаю об этом человеке и о местных жителях, тем больше осознаю те опасности, с которыми они сталкиваются.

Оказывается, сегодня подошел к концу срок полномочий правительства. Некоторые хотят видеть в правительстве изменения. Они хотят государственного переворота. Он не знает точно, кто собирается устроить демонстрацию, но сказал, что, скорее всего, это некоторые из Объединенного революционного фронта.

Когда здесь последний раз была демонстрация, погибли девятнадцать человек. В день, когда это случилось, он находился в своем офисе. Вроде бы он сказал, с 10.00 до 16.00. И когда его автомобиль был в пути, чтобы, наконец, забрать его, машину угнали.

> Пока мы ехали на автомобиле, я наблюдала за людьми. Теперь я намного лучше понимаю их проблемы.

Он сказал, что после последней демонстрации им предложили перенести офис в другое место. Другие агентства ООН покинули этот район, но их землевладелец удержал бы 55 000 долларов за нарушение договора аренды. Они не могли позволить себе переезд и не считали, что это так же важно, как другие вещи, на которые можно было бы потратить эти деньги.

Он говорил о том, как он ценит своих сотрудников, которые настолько самоотверженны. Они продолжают здесь работать, хотя осознают опасность.

Кроме того, в нынешнее время сотрудники не могут жить в этой стране со своими семьями. После Рождества из-за чрезвычайной ситуации сюда пришлось приехать еще большему количеству сотрудников. И многие из них уже очень долго не виделись со своими родными.

Завтра все останутся внутри – все, кто может. Трем людям придется ехать к пристани, потому что из Гвинеи вновь прибывают беженцы. Придется арендовать автобусы. Грузовики могут стать мишенью, потому что они принадлежат ООН.

Предполагалось, что я помогу с регистрацией, но меня попросили остаться в помещении.

Американское посольство – одна из мишеней.

Нигерия, США и Англия поддержали нынешнее правительство и не хотят изменений.

Надеюсь, я правильно понимаю все эти факты.

Я испугана. Я знаю, что все будет хорошо, но я также должна признать, что так как я ничего не знаю об этой ситуации, то предполагаю, что случиться может что угодно.

Это может показаться глупым, но я думаю собрать рюкзак до того, как лечь спать, – просто на случай, если мне придется бежать, когда я проснусь. Хорошо, что я настолько устала, что смогу поспать.

Кроме того, предполагается, что завтра у меня будет встреча – ужин с Джозефом Мелроузом. Он – посол США в Сьерра-Леоне. Я также встречусь с представителями различных неправительственных организаций.

Сейчас я не уверена, что будет дальше. На самом деле я даже не знаю, что происходит.

Четверг, 1 марта

9.30 и никаких новостей.

Пришел человек, чтобы установить лучшую радиосвязь.

За завтраком мы вообще об этом не говорили.

Мы показывали друг другу фотографии и рассказывали о своих семьях.

10.20. Кажется, ничего, может быть, и не произойдет. Но никто не пойдет в офис в ближайшие несколько часов – просто на всякий случай.

Возможно, тот факт, что они были готовы защищать себя, остановил это. Несомненно, солдаты с раннего утра охраняют различные штаб-квартиры, офисы и посольства.

Мне надо было отправиться в город, чтобы получить деньги в офисе Western Union.

Ньямбе повезла меня в своем автомобиле, чтобы они не видели сотрудников УВКБ в рабочем грузовике. Полиция нас остановила и проверила.

Мы подъехали к Western Union на пятнадцать минут раньше, и нас не пустили в офис. У них были строгие распоряжения. Большинство сотрудников прислонились к стенам на другой стороне улицы.

В офисе УВКБ мы слышим от тех, кто был на пристани, что сегодня прибыло около 485 беженцев. Они останутся в транзитном центре до завтра, а потом отправятся с конвоем. На этот раз они поедут домой.

Мы также слышим, что демонстрация начнется в 15.00. Другие говорят, что полиция уже не дает им собираться. Еще один слух – они начнут демонстрацию у американского посольства. Там у меня сегодня назначена встреча.

Мы попытались дозвониться, чтобы подтвердить мою встречу с послом Мелроузом, но нам сказали, что мы набрали неверный номер. Должно быть, это объясняется соображениями безопасности, потому что мы проверили – номер правильный.

Я заметила дыры от пуль в стекле в здании посольства. Когда-то на него напали, и люди прорвались внутрь. К счастью, «внутрь» имеет много разных уровней.

В посольстве США был невероятно высокий уровень безопасности. Не знаю, почему, но я думала, что это будет примерно так же, как зайти к кому-нибудь в гости. В моей стране. Но все было совсем не так. Я осталась снаружи, пока опрашивали Ньямбе и проверяли удостоверение личности. Затем мне сказали войти. Мою сумку досмотрели и взяли пробы с моего компьютера. Мне также пришлось пройти через металлоискатель. Но как только я оказалась внутри, все были очень доброжелательны.

Мы разговаривали о примерно 400 людях, потерявших конечности, в том лагере, где я побывала, и еще большем количестве в лагерях в Бо и Кенеме. Большинство из них держится вместе, но у них нет поддержки или финансирования.

Мне сказали, что есть два новых покалеченных. За последний год не было ни одного. Это прекратилось. Но примерно в Рамадан ребенок около полутора лет и еще один, примерно восьмилетний, получили новые раны.

Им отрезали кисти рук.

Минуту мы сидели в молчании. Потом посол сказал: «Это очень печально. Всегда есть то, что необходимо делать».

Позже я сидела на встрече, посвященной тому, как решить некоторые проблемы с конвоями, чтобы все проходило более гладко. Из-за недостатка финансирования им приходится выкручиваться. Временами они зависят от помощи неправительственных организаций и других агентств ООН.

Им приходится приспосабливаться и идти на компромиссы. Каждое решение влияет на жизни многих людей, и их глубоко ранит, когда что-то идет не так.

Количество прибывающих беженцев очень велико – 400 человек в день. Можем ли мы справиться с большим количеством? Где мы можем их разместить?

Эти беженцы уже делят между собой продовольственные пайки. Они чувствуют себя в тесноте. Они не рады вновь прибывшим. Нельзя сказать, что им это по душе, но они будут драться с вновь прибывшими из-за еды. Это звучит жестоко, но это выживание.

Пока все разговаривали, я обратила внимание на их досаду и стремление найти решения.

Кондиционера нет, поэтому окна открыты. Сейчас всем приходится говорить очень громко, потому что офис расположен на улице, по которой проезжает много грузовиков.

За мной стол, на котором стоят четыре фотографии сотрудников УВКБ, убитых при исполнении служебных обязанностей в 2000 году. Они выглядят очень добрыми людьми. Приятные лица.

У меня был прекрасный ужин с Джозефом Мелроузом. Также присутствовали другие представители неправительственных организаций, большинство работало на УВКБ. Мы весь вечер говорили о разных странах и ситуациях.

Мы также смогли вести себя светски и даже немного посмеялись. Я не знаю, о чем мне стоит, а о чем не стоит писать. Было много разных мнений. Могу написать, что я чувствовала, что каждый в этой комнате стремился найти решения.

Очень сложно понять или объяснить, что такое ОРФ или каким образом или когда с ним можно будет договориться. Кажется, все пришли к единому мнению: они не верят, что ОРФ на самом деле обеспечит «безопасный проход» из Гвинеи в Сьерра-Леоне через свою территорию. Я про себя удивлялась: зачем бы повстанцам это делать?

Украсть продовольствие?

Взять заложников?

Сделать «живые щиты»?

Больше у них нет в этом никакой выгоды, так зачем бы им это делать?

Ответа нет.

У беженцев неплохое финансирование, но бóльшая часть средств выделяется для районов, где некоторые проекты уже имеют хорошую поддержку. В некоторых лагерях есть больше, чем достаточно, в то время как в других районах практически ничего нет.

У организаций нет права перераспределять эти деньги.

У потерявших конечности большая поддержка, и о них говорят в прессе. Об этих замечательных людях заботятся и усиленно налаживают финансовую помощь.

Но, как я теперь знаю, многие получившие ранения во время войны (в том числе многие искалеченные) не были жертвами, пострадавшими непосредственно от рук повстанцев. Мне сказали, что многие врачи были вынуждены под прицелом повстанцев отрезать конечности и калечить. Если бы врачи не выполняли эти жестокие, бесчеловечные приказы, они и их семьи были бы убиты.

Разумеется, лагеря в пострадавших от войны районах нуждаются в большем финансировании.

Я сижу здесь и пишу, и трудно поверить, что завтра я покидаю Сьерра-Леоне.

Пятница, 2 марта

Я на борту самолета, лечу из Фритауна, Сьерра-Леоне, в Абиджан, Кот-д'Ивуар (там я проведу одну ночь).

Не знаю, что я чувствую.

Женщина, путешествующая со своей дочерью, поблагодарила меня за то, что я приехала. «Нам так приятно знать, что о нас думают». Она работала с УВКБ, а также была в Гвинее.

Я хотела поблагодарить ее за ее силу. Я хотела поблагодарить эту страну за то, что мне разрешили сюда приехать и так много узнать о таком удивительном месте и людях.

Но я не могла говорить. Боялась, что могу заплакать.

Когда я уезжала из Сьерра-Леоне, люди говорили: «Пожалуйста, будь на связи. Надеемся, что ты о нас не забудешь». Это говорилось с улыбками, дружелюбно. Конечно, я никогда не забуду, но многие люди забудут.

По всему миру есть места, где нужна помощь. Я даже удивилась, услышав о проблемах Эфиопии. Я думала, что ситуация в этой стране лучше. Я считала, что все худшее позади, потому что прошли годы с тех пор, как в наших новостях было так много историй об общемировой помощи. Для Эфиопии собиралось много денег, было много информации, а потом все затихло. Я напоминаю себе, что эти проблемы не исчезают просто потому, что мы о них не слышим. И если задуматься: в мире происходит намного больше, чем нам сообщают, чем мы слышим в главных новостях.

Мы все должны заглянуть поглубже и обнаружить что-то для себя…

Что за проблема?

Где она?

Как мы можем помочь в ее решении?

Когда мы сходили с самолета, пилот сказал нам, что в Конакри, столице Гвинеи, был сильный взрыв.

Несчастный случай или теракт?

Мы не знаем.

Многие пассажиры самолета только что покинули Конакри. Именно оттуда этим утром отправился этот самолет. Их предупредили, что возможно нападение.

И вот вдруг мы все, все, которые только что разговаривали и радовались прибытию, сидим в тишине. Мы очень медленно выходим из самолета.

Теперь я жду на паспортном контроле. Многие разговаривают по мобильным телефонам. Не знаю, что они говорят, потому что разговоры идут на французском, но очевидно, есть причина для глубокой обеспокоенности.

Наконец, мне сказали, что взорвалась часть склада армейских боеприпасов.

Люди вроде бы не пострадали.

Прошло несколько часов, и я одна. Меня мутит. Не знаю, от плохой еды или от переживаний.

И хотя этим вечером я нахожусь в отеле, я все еще не могу оказаться дома. Я отправила сообщение и расплакалась.

> Эти беженцы уже делят между собой продовольственные пайки. Они чувствуют себя в тесноте. Они не рады вновь прибывшим. Нельзя сказать, что им это по душе, но они будут драться с вновь прибывшими из-за еды. Это звучит жестоко, но это выживание.

Меня очень беспокоило все, что я увидела. И я понимаю: если я испугана, то как все эти смелые женщины справляются, когда вынуждены бежать из дома из-за войны? Некоторые из этих женщин годами не видели своих мужей или детей. Я не могу не помнить все эти разные лица.

Я также помню того мальчика с приятным лицом, у которого сильно повреждена спина. Он никогда не сможет ходить. Я отдыхаю в отеле, а он лежит в углу на пыльном земляном полу.

Я ни разу не заплакала, пока была в Сьерра-Леоне. Несмотря на все, что я видела, я не плакала. Этим вечером я, кажется, не смогу перестать плакать.

Завтра я увижу новые лица. Завтра мне придется делать больше.

Я больше не хочу писать. Я чувствую тошноту.

Суббота, 3 марта

Я на пути в Цюрих, Швейцария. Моя следующая остановка – Танзания, но я не могу вылететь туда с Берега Слоновой Кости, так что на два дня останусь в Цюрихе. Было пять контрольно-пропускных пунктов. Сумки каждого осматривали с фонариками на столах рядом со взлетно-посадочной полосой. Наши тела проверили металлоискателями. Интересно, о чем беспокоится служба безопасности.

Воскресенье, 4 марта

Здесь, в Цюрихе, я остановилась в отеле Dolder Grand на озере.

Все пахнет апельсинами и ванилью.

На земле лежит снег.

В лобби я увидела маленького мальчика и подумала о грязном маленьком африканском мальчике, который нес воду на голове, потея и изо всех сил стараясь удержать равновесие.

Оба невинные, милые маленькие мальчики, просто в разных частях мира. И они вырастут такими разными.

Кто решает, где мы родимся, какой будет наша жизнь и почему?

Ничего не могу поделать, засыпаю. Я не осознавала, насколько устала.

Понедельник, 5 марта. 20.40

Рейс 292 Swissair

Я вылетела из Цюриха и направляюсь в Дар-эс-Салам, Танзания.

Вторник, 6 марта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.